

ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

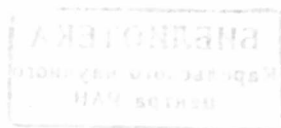
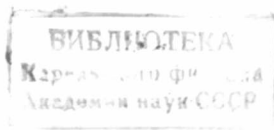
3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

3

Петрозаводск
2000

147562K

Редакционная коллегия
Н. С. НАДЪЯРНЫХ (главный редактор), Ю. И. ДЮЖЕВ,
Э. Л. АЛТО, А. И. ЧАГИН (зам. главного редактора)

Редактор тома Ю. И. ДЮЖЕВ

Рецензенты
Е. Е. ЗУБАРЕВА, Э. Л. АЛТО, Е. М. НЕЁЛОВ

УДК 894.542 (091)
ББК 83.3 (2 Рос=Карел)

Монографическое исследование посвящено творчеству русских и вепских писателей Карелии. В обобщающих главах дается подробная характеристика историко-литературного процесса. В серии очерков творчества показано многообразие писательских индивидуальностей. Особое внимание уделено проблематике поэтики, роли классического наследия в формировании литературы, процессу взаимообогащения литературы Карелии, создающейся на карельском, вепском, финском и русском языках.

Публикацией данного труда завершается издание «Истории литературы Карелии» в 3-х томах.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Республики Карелия*

ISBN 5-9274-0033-7

154222K

© Российская Академия наук, 2000
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2000

ПОСЛЕСЛОВИЕ к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах

Подведем некоторые итоги, имея в виду все три тома нашего коллективного исследования под общим названием «История литературы Карелии».

Художественная словесность Карелии, включающая богатые фольклорные традиции и сравнительно молодую письменную литературу, многообразна и разнородна по своему этническому происхождению, внутреннему составу и специфике. Исторически и территориально она охватывает не только нынешнюю Республику Карелию, но и Ингерманландию. Рождалась и развивалась она в разной этнической и этнокультурной среде, на разных языках и диалектах.

Карелия и Ингерманландия — известные фольклорные регионы, впервые открытые наукой в XIX веке. Они были обследованы сотнями собирателей, в архивах накопились фольклорные богатства, восходящие к глубокой древности. Карелия прославилась не только национально-карельским, но и русским фольклором — то и другое занимает свое место в мировом культурном наследии.

Но переход от устно-поэтической традиции к письменной литературе — это для Карелии и Ингерманландии, как мы видели, в основном явление XX века. И подобно древним фольклорным традициям, зарождающаяся письменная литература в Карелии и Ингерманландии также была весьма многообразна по своим этнокультурным и этнолингвистическим истокам. В Карелии из прибалтийско-финских народностей проживают карелы, вепсы, финны. В Ингерманландии первой трети XX века, кроме 150-тысячного финского населения, насчитывалось несколько десятков тысяч ижорцев и води; в 1930-е годы предпринимались даже попытки создать ижорский литературный язык, включить его в школьные программы.

Обобщенно мы говорим о карельской литературе, и в определенном смысле такое обобщение правомерно. Но создавалась эта литература представителями разных этносов и этнических групп, в том числе русскими писателями.

Даже этнические карелы в литературно-языковом отношении подразделяются: писатели из северной Карелии в свое время избрали для себя

финский литературный язык, тогда как выходцы из средней и южной Карелии тяготеют к ливвиковскому диалекту карельского языка.

Своего рода политическим рубежом и преградой нормального литературного развития в Карелии и Ингерманландии стали трагические события 1937 года. Финский язык был тогда официально запрещен, а большинство писателей, писавших на нем, особенно писателей финляндского происхождения, подверглись арестам и физическому уничтожению.

Чтобы литература после столь тяжелого урона возродилась, в нее должны были войти писатели нового поколения, в том числе этнические карелы, принесшие с собой новые темы, новые культурно-языковые влияния.

С образованием Карельской трудовой коммуны (1920 г.) и затем автономной республики (1923 г.) сразу же возник вопрос о втором государственном языке, который бы наряду с общегосударственным русским языком функционировал в рамках национальной автономии.

Само образование национальных автономий в многонациональном государстве в первые годы советской власти явилось событием огромной исторической важности. Сами народы оценили его по достоинству, для многих из них он явился мощным толчком к созданию национальной письменности и литературного языка, школьного образования и первых печатных изданий. Не следует принижать и таких приуроченных к определенной эпохе понятий, как культурная революция и формирование национальной интеллигенции, — без этого не было бы ни грамотного массового читателя, ни национальных литератур.

Вопрос о втором государственном языке в национальных автономиях отнюдь не был в 1920-е годы только формально-правовым. Большинство карелов, вепсов, ижорцев, води, ингерманландских финнов и финнов-иммигрантов из Финляндии тогда еще не владели русским языком, и родной язык являлся для них если не единственным, то главным средством общения и культурного развития. Второй государственный язык в национальных автономиях имел сугубо практическое и повседневное значение для десятков и сотен тысяч людей.

Сейчас можно по-разному относиться к тому, что в Карелии вторым государственным языком был избран не карельский, а финский. Причины на то было много — объективных и субъективных. Главная объективная причина была, пожалуй, в том, что развитый литературный карельский язык, способный выполнять функции государственного языка, исторически еще не сложился, и надежд на скорое его развитие было мало, — в экстренном порядке литературные языки вообще не развиваются, на это уходят столетия плодотворной национальной истории. Различия между тремя основными диалектами карельского языка — ливвиковским, людиковским и собственно карельским — и сегодня все еще остаются настолько существенными и трудно преодолимыми, что создание единого общенационального литературного карельского языка, который бы удовлетворял

носителей всех диалектов, представляется весьма проблематичным, по меньшей мере на ближайшие десятилетия.

Литературный финский язык, складывавшийся относительно замедленными темпами начиная с середины XVI века и достигший зрелости к началу XX века, наиболее близок северным карелам. Именно среди них школьное образование на финском языке еще в 1920–30-е годы внедрялось довольно успешно естественным путем. И именно из Беломорской Карелии, из деревень Визны вышли первые карельские писатели, прочувшиеся в финских школах и избравшие финский естественным языком своего творчества, которым они владели лучше, чем каким-либо другим языком. Имеются в виду известные в Карелии писатели, составившие на определенном этапе основное ядро ее национальной литературы: Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев, Пекка Пертту, Николай Лайне, Ортье Степанов. Они явились, по существу, первыми писателями из коренной карельской национальности. Хотя они писали на финском языке, но, тем не менее, создавали себя именно карельскими писателями, повествовали о родном народе, вслушивались в местную народную речь, наделяли ее особенностями своих героев, хотя языковой основой повествования оставался литературный финский язык.

Однако эта группа карельских писателей — карелов по этническому происхождению — заявила о себе только после второй мировой войны, их творчество развернулось во второй половине XX века.

Начинали же литературное движение на финском языке в Карелии и Ингерманландии другие люди — в основном финны-иммигранты финляндского происхождения, отчасти ингерманландские финны. Литература на финском языке, как и школьная система, создавалась одновременно и для Карелии, и для Ингерманландии, общими силами для общей читательской аудитории.

После поражения рабочей революции 1918 года в Финляндии свыше пяти тысяч ее участников нашли убежище в СССР, часть обосновалась в Петрограде и ингерманландских деревнях, большинство в Карелии. Среди них были люди с некоторым писательским и журналистским опытом, сотрудничавшие в финской рабочей печати. Они сыграли немалую роль в создании финноязычных советских периодических изданий, в которых была острая нужда. В 1920–30-е годы на финском языке выходило до полутора десятков газет и журналов для разных слоев читателей. Финны-иммигранты писали школьные учебники, работали учителями, вели культурно-просветительную работу, создавали театральные коллективы.

Из «красных финнов» первой волны иммиграции назовем главных писательские имена, вошедшие в историю карельской литературы в роли ее зачинателей: Ялмари Виртанен, Сантери Мякеля, Оскар Иогансон, Хильда Тихля, Рагнар Руско, Лаури Летонмяки, Вяйне Аалто. Из числа «красных финнов», игравших руководящую роль еще в финском рабочем движении, выдвинулись государственно-политические руководители Карелии:

Эдвард Гюллинг, Густав Ровио, Юрьё Сирола, Отто Вилле Куусинен. Среди них были люди с академическим образованием. Например, Гюллинг еще в Финляндии стал доктором философии, автором исследований о положении торпарей-арендаторов; в автономной Карелии он стал не только руководителем ее правительства, но и возглавил ее первый научно-исследовательский институт.

В начале 1930-х годов в результате новой волны иммиграции в Карелию приехало несколько тысяч финнов из США, Канады, отчасти также из Финляндии. В пору «великой депрессии» на Западе обострилась безработица, вынуждавшая людей эмигрировать, но в СССР приезжали в основном сторонники левых убеждений, пожелавшие участвовать в строительстве нового общества. В США финские рабочие продавали свое имущество, запасались необходимым строительным инструментом и садились на корабли, чтобы плыть в неведомое. Для этого необходимо было известное мужество и вера в идею, ибо они ехали не за большими деньгами, а по велению совести и рабочей солидарности. Среди них тоже были литературно одаренные люди, например, Эмели Паррас и Микаэль Рутанен. Из финляндских тюрем освободились и приехали в Карелию писатели Тату Вятяйнен и Людвиг Косонен. В Финляндии крайне правые «лапуасцы» тогда физически преследовали «красных» и насильственно изгоняли их из страны.

Почти все художественные книги, вышедшие на финском языке в 1920–30-е годы в Ленинграде и Петрозаводске, были написаны писателями-иммигрантами финляндского происхождения. Те, кто приехал из США и Канады, могли сохранять связь с тамошними финскими рабочими издательствами. Например, четыре романа Лаури Луото были опубликованы в 1925–1929 годах в США по пересланным туда рукописям и с получением части тиража.

В Ингерманландии еще во второй половине XIX века зародилась финноязычная периодическая печать, развивалась сеть церковно-приходских школ. Выходец из Ингерманландии Матти Курикка (1863–1915) сотрудничал в рабочей печати Финляндии, посвятил пьесу угнетенному положению ингерманландских крестьян, писал стихи. В советский период из ингерманландской среды выдвинулось два имени: одаренный поэт и автор рассказов Тобиас Гуттари (Леа Хело, 1907–1953), еще студентом педагогического техникума командированный в 1924 году учительствовать в карельских школах; и прозаик Юрьё Саволайнен, опубликовавший в 1935 году роман «В бурье времен» о своих земляках.

В книгах той поры, написанных выходцами из Финляндии, преобладала финляндская тематика — гражданская война 1918 года, история и современное состояние рабочего движения. Для авторов важное значение имели традиции финской классической литературы, творчество Алексиса Киви, Юхани Ахо, Арвида Ярнефельта, Минны Кант, Каарло Крамсу. Современная финская литература была менее известна, культурные связи с

Финляндией практически прервались, о поездках «красных финнов» на их прежнюю родину не могло быть и речи.

Особое значение для поэтов-иммигрантов имели традиции финской рабочей поэзии рубежа веков, продолжателями которых они во многом являлись. Одновременно в выходящих в Ленинграде и Карелии журналах — «Соихту», «Пуна-кентеле», «Ринтама», альманахе «Кевятвюэрю» — ставилась задача создания финноязычной советской и карельской национальной литературы. По своим идеологическим установкам она мыслится именно как пролетарская литература — это относилось тогда ко всей многонациональной литературе страны. Существовала Российская ассоциация пролетарских писателей — сокращенно РАПП. При ленинградской ассоциации (ЛАПП) имелась особая финская секция, в Карелии функционировала своя ассоциация — КАПП. В 1932 году рапповские ассоциации были реорганизованы в Союз советских писателей. Все это делалось по соответствующим партийным постановлениям, идеологический контроль в писательских организациях оставался неукоснительным, принцип партийности литературы ставился во главу угла.

И все же еще в дискуссиях конца 1920-х годов стало проясняться, что создание чисто пролетарской литературы в крестьянской по преимуществу стране является во многом утопией, отсекающей от литературы глубокие пласты народной жизни. Это касалось также Карелии и Ингерманландии, где этнические карелы и финны были всецело крестьянским народом со своей аграрной этнокультурой, для которой сами понятия «класс» и «пролетариат» оставались еще неведомыми. Наиболее леворадикальные литературные критики той поры, мечтавшие о «пролетаризации» самой читательской аудитории, возлагали надежды на коллективизацию деревни, ликвидацию кулачества, быструю индустриализацию края и рост городского населения — все это должно было способствовать росту классового пролетарского сознания.

Литературе все же приходилось иметь дело с реальным крестьянством, учитывать так или иначе специфику крестьянской психологии и культурных традиций. Ведь и Ленин учил, что социализм можно строить только из наличного человеческого материала, «а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»¹.

В литературе весьма показательным стало изображение исторического пути крестьянства, происходивших в нем социальных сдвигов, его взаимоотношений с городом, техническим прогрессом, рынком, вытеснявшим прежнее натуральное хозяйство. Через все это прошла финская классическая литература конца XIX — начала XX века — в рассказах и романах Юхани Ахо, Арвида Ярнефельта, Эйно Лейно, Франса Эмиля Силланпя.

В советской финноязычной литературе 1920–30-х годов тема финского крестьянства в историческом аспекте продолжала привлекать Л. Луото,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.

О. Иогансона, Э. Парраса, и опыт финляндских предшественников использовался ими подчас даже слишком прямолинейно. В романе Э. Парраса «Жители Юмюваары» (1933) ощутимо влияние «Семерых братьев» А. Киви, откуда заимствован, например, прием панорамного описания окрестностей деревни, увиденных с возвышенности; прием кругового обзора местности встречается еще в фольклоре (и в «Калевале»). Киви же придал описанию характерный для его прозы особый ритм, привлекая Парраса. Явное влияние Киви обнаруживается в сцене церковных чтений и наказания нерадивых учеников, в эпизодах охоты и бегства героев от стада разъяренных быков, в сцене ссоры и потасовок деревенских парней со строителями железной дороги. Все это заставляет вспомнить о «Семерых братьях», а мотив вторжения железной дороги в сельскую глушь не раз использовался Ю. Ахо и другими финскими писателями. Опыт предшественников воспринимался Э. Паррасом в этом случае как документ минувшей эпохи — художественные факты превращались в факты самой исторической действительности; на основе уже созданного художественным вымыслом он строил летопись прошлого примерно так же, как историограф пользуется историческими хрониками и трудами предшественников. В этом был элемент эпигонства, но также литературной учебы и освоения накопленного художественного опыта. Главное, к чему стремился Э. Паррас, это показать происходившие в финской деревне социальные процессы, приведшие к разложению патриархальных отношений и к поискам новых форм коллективизма и человеческой солидарности.

Проблемы крестьянства непосредственно в СССР, возникшие в связи с послереволюционным переустройством деревни, затрагивались в творчестве писателей-иммигрантов на первых порах лишь в очерках и отдельных стихотворениях, но не в произведениях крупного плана. Исключением в финноязычной литературе 30-х годов стал роман Хильды Тихля «Страница переворачивается» (1934–1936), посвященный русской деревне до Октября 1917 года, в период гражданской войны и начала коллективизации. Роман примечателен тем, что в нем затронута чрезвычайно актуальная, но запретная в ту пору борьбы с «врагами народа» проблема допустимых пределов массового террора и насилия в общественных преобразованиях. В беседе со своим оппонентом, большевиком Ильей Беляновым, сельский портной Иван Петрович отстаивает методы убеждения людей и предостерегающе говорит: «Не правы те, кто, без конца ссылаясь на необходимость беспощадной борьбы с врагами, вообще утратил способность воспринимать положительные ценности жизни. Ведь борются-то они, похоже, только из-за своего неистовства, а когда расправятся с действительными врагами, то примутся грызть и пожирать собственное окружение»². Здесь затронута одна из главных и больших проблем не только советской действительности, но и всей мировой истории

²Tihlän H. Lehti kääntyy. Petroskoi, 1936. Osa 2. S. 137.

с ее социальными революциями и национально-освободительными движениями: борьба за свободу — и цена этой борьбы. На взгляды Хильды Тихля оказали некоторое влияние идеи христианского социализма и религиозно-этическое учение Льва Толстого.

Нараставший разгул террора и репрессий в 30-е годы привел к трагическим последствиям и тяжело отразился на развитии литературы. Большинство финноязычных писателей, особенно финляндского происхождения, было обвинено в национализме и расстреляно либо погибло в лагерях. Из всех арестованных писателей в живых остался после десяти лет заключения только Урхо Руханен — критик, литературовед и переводчик, старейший ветеран карельской писательской организации, помнящий те далекие события.

Трагические события 1937 года сопровождались сменой литературного языка — вместо официально запрещенного «буржуазно-националистического» финского стал внедряться спешно создаваемый карельский литературный язык. Делалось это в директивном и экстренном порядке, на карельском языке надо было учить детей в школах, выпускать учебники, издавать газеты и журналы.

Создать и внедрить новый литературный язык оказалось непростым делом, уже в первые месяцы 1938 года срочно созывались разного рода совещания с участием представителей Наркомпроса, сотрудников Карельского научно-исследовательского института культуры, редакционных и издательских работников. Мероприятие более высокого ранга, официально именуемое Первым всекарельским совещанием по вопросам языка и литературы, состоялось летом 1938 года с приглашением не только карельских, но и московских, ленинградских ученых и писателей. Присутствовали и карельские сказители, чему придавалось особое значение со стороны властей.

В 1938 году на карельском языке вышло двенадцать номеров литературно-художественного журнала «Карелия», но ни одной оригинальной художественной книги карельского автора. Журнал просуществовал до мая 1940 года, на его страницах печатались изредка стихи молодых карельских поэтов Федора Исакова и Николая Лайне, но больше было переводов с русского языка. Переводы на карельский язык, в основном произведений для детей, выходили также отдельными изданиями, некоторые даже в Москве, что свидетельствовало о той важности, которую им придавали.

Однако за те два с половиной года, в течение которых культивировался карельский литературный язык, из оригинальных карельских книг на нем успели выйти только объединенный сборник стихов упомянутых поэтов Ф. Исакова и Н. Лайне и три небольших фольклорных сборника.

В 1940 году решено было вернуться к финскому литературному языку. Литературно-художественный журнал «Пуналиппу» начал выходить с июля того же года — параллельно с журналом «На рубеже» на русском языке (до этого на русском языке издавался альманах «Карелия»). Из

русских писателей этого периода наиболее заметными были Виктор Гудков, Сергей Норин, Виктор Чехов, Александр Линевский. В декабре 1940 года состоялся Первый съезд Союза писателей Карело-Финской ССР, секретарем правления был избран Армас Эйкия, финский поэт-коммунист, незадолго до этого оказавшийся в СССР после тюремного заключения в Финляндии. Единственной художественной книгой 1940 года на финском языке стал сборник стихов Тобниаса Гуттари.

Потребовалось еще несколько лет, прежде чем в карельской литературе заявила о себе группа талантливых писателей, коренных карелов, родом из рунопевческих деревень Виэны, Беломорской Карелии. Все эти писатели — Николай Яккола (1905–1967), Антти Тимонен (1915–1990), Яакко Ругоев (1918–1993), Пекка Пертту (1917–1992), Николай Лайне (1920–1984), Ортье Степанов (1920–1998) — прошли через войну, служили в действующей армии, истребительных батальонах, партизанских отрядах. Самые ранние литературные опыты некоторых из них относятся еще к довоенным годам, но с книгами они выступили в первое послевоенное десятилетие.

Национально-карельское содержание творчества этих писателей проявляется прежде всего в том, что оно всеми своими корнями связано с родным краем, его природой, людьми, местной историей, фольклорным наследием, севернокарельской этнокультурой в целом. Они писали на финском литературном языке, однако их севернокарельские этнические корни и их этнокультурное самосознание столь сильно выражены в их творчестве и являются для него столь определяющим, что правомерно говорить в локальном масштабе о зарождении новой литературной традиции. Они были первыми коренными писателями этого края, через их творчество он впервые вошел в литературу и обрел свое место в ней. Можно утверждать: в их книгах совершился переход — опять-таки в локальном масштабе, в рамках севернокарельской этнокультуры — от устно-поэтической традиции к письменной литературе.

В своих автобиографиях упомянутые писатели настойчиво подчеркивали, что они с самого младенчества росли в атмосфере народной поэзии, что в их родословной были сказители-рунопевцы, что фольклор в их детстве и юности — это не только и даже не столько книжная «Калевала» или сборники фольклорных текстов на библиотечной полке, сколько окружавшая их живая народная традиция, с которой они непосредственно общались. Со временем они стали записывать руны и сказки от односельчан, а позднее, описывая родной край в своих книгах, не могли даже примыслить его жителей вне фольклорной традиции.

Одновременно писатели из Виэны со школьных лет привыкали к финскому литературному языку, некоторые из них — Я. Ругоев, П. Пертту — сами работали потом учителями в местных школах и преподавали именно финский язык и финскую литературу в объеме школьной программы.

В итоге финский литературный язык стал языком их творчества, но с весьма существенной поправкой: связь с родным севернокарельским

диалектом сохранилась. Особенно это заметно в прямой речи изображаемых персонажей, потомственных карелов из местных деревень. Влияние севернокарельского диалекта сказывается до некоторой степени и в авторском языке — в выборе лексики, вошедшей в финский литературный язык из карельских диалектов, в специфике грамматических форм, в синтаксических интонациях, а у поэтов это проявляется и в использовании фольклорной метрики, аллитерации, эпических повторов и т. д.

Карельские прозаики через использование родного диалекта усиливали «карельскость» самой прозы, диалект служил ее этнокультурной «пропиской» — это была именно Визна и ее народ. Ведь искусно используемое диалектное слово, народное выражение, меткая пословица способны многое выразить — не только шутку, но и привязанность жителей к родной земле, сыновнее и родственное к ней отношение.

Другой специфической чертой творчества упомянутых авторов, обусловленной именно тем, что они были первыми бытописателями своего края, является их преимущественное внимание не к отдельной личности с ее индивидуальной судьбой, а к самим основам народной жизни. Можно заметить, что на первых порах они избегали пользоваться такими жанровыми понятиями, как поэма или роман, а предпочитали называть свои обширные по объему произведения *повествованиями* — в стихах и прозе. «Сказание о карелах» (1956–1959) Я. Ругоева имеет подзаголовок «Повествование в стихах». Прозаическая тетралогия Н. Яккола «На берегах Пирттиярви» (1949–1968) также именуется повествованием, а не романом.

Жанр романа в более или менее современном смысле, как он представлен в развитых европейских литературах, предполагает интерес к индивидуальной судьбе личности и интерес к миру через личность. Еще Гете называл роман «субъективной эпопеей», то есть новым жанром, сосредоточенным не столько на внешней действительности, сколько на внутреннем мире индивида. Сам Гете продемонстрировал это в «Страданиях молодого Вертера» и последующих произведениях.

В современной западной критике принято делить романы на «экстравертные» и «интровертные» — последние стали во многих литературах настолько преобладающими, что широкие социальные полотна о собственно народной жизни теперь вообще чрезвычайная редкость.

По своей жанровой типологии повествования карельских авторов характерны именно для ранней стадии литературного развития. Это еще не «исследования души» во всех ее изгибах, а повествования о народной жизни со множеством этнографических деталей, с подробными описаниями занятий, обычаев, верований северных жителей. На это указывают уже названия произведений: «Сказание о карелах» Я. Ругоева, «На берегах Пирттиярви» Н. Яккола, «Родичи» О. Степанова, «Мы карель» А. Тимонена. На первом плане — этническое, коллективно-народное содержание, а не сосредоточенность исключительно на психологии отдельной

личности, не индивидуальная исповедь и даже не семейная хроника типа «Будденброков» Томаса Манна или «Семьи Тибо» Мартена дю Гара.

У карельских писателей, впервые взявшихся описать жизнь своего народа, своего рода-племени, есть потребность начать повествование от «начала всех начал» — от происхождения названия селения, от первых его жителей, от воспоминаний старых людей, от народных преданий. Здесь наблюдается преемственная связь с фольклорно-эпической традицией, с мифами о «рождении вещей» (synnyt), когда объясняется происхождение явлений, то, откуда все началось.

Но зарождавшаяся литература не стояла на месте, она развивалась также в жанровом отношении. Уже в творчестве названных писателей происходили с годами жанровые сдвиги, невозможно было повторить себя. Например, в поэме Я. Ругоева «Хождение за надеждой» (1966) уже нет прежней описательности и этнографической детализации, сюжет более концентрирован и лаконичен, хотя и исторический материал и событийная основа сюжета те же, что и в «Сказании о карелах». В жанре поэмы усиливалось лирическое начало, что характерно для поэмы Н. Лайне — «На перепутье» (1957–1967), «Мы — коммунисты» (1961), «Новый год» (1962), «У костра» (1965), «Три березы» (1970).

В прозе к лирическому повествованию тяготел П. Пертту. В его повестях и рассказах поэтизируется карельская природа, народные обычаи, душевный склад северных жителей. Есть и в этом случае этнокультурный фон повествования, но оно не углубляется в далекое прошлое, речь идет о современниках.

После известных решений XX съезда КПСС на литературу повлияла хрущевская «оттепель», возрос интерес к прежде запретным темам, актуальными стали морально-этические проблемы — нужно было разобраться в трагических событиях прошлого, не только осудить преступления вождей-диктаторов, но и осознать вину общества, нравственную ответственность каждого гражданина. По-новому предстала проблема гражданской совести.

Постепенно открывался доступ к хранящемуся в запретных «спецфондах» творческому наследию предшественников, было переиздано и по-настоящему оценено поэтическое творчество Я. Виртанена и Т. Гуттари, на русском языке вышла «Антология карельской поэзии» (1963) с именами погибших поэтов. А затем увидел свет и коллективный «Очерк советской литературы Карелии» (1969), где впервые была представлена в более или менее полном виде литература 1920–30-х годов, совершенно отсутствовавшая еще в «Очерках литературы Карело-Финской ССР» (1954), написанных и изданных до реабилитации жертв репрессий.

С середины 1950-х годов заявил о себе талантливый поэт-лирик Тайсто Сумманен (1931–1988), автор многих стихотворных сборников, выступавший также как литературный критик и переводчик. В поэзии он продолжал в некотором смысле традиции Я. Виртанена, Т. Гуттари и других довоенных поэтов. На стихах Тайсто Сумманена, как и на прозе

Ульяса Викстрема (1910–1977), писателя более старшего поколения, сказался тот факт, что оба они были детьми финских красногвардейцев, выросшими в СССР. В лирике Сумманена эта биографическая преемственность проявилась более опосредованно, не столь прямолинейно, как в книгах Викстрема, непосредственно посвященных событиям финской революции 1918 года и деятелям финского рабочего движения: «Вперед, народ трудовой!», «Суоми в огне», «Тойво Антикайнен», «Торпеда» — повесть о жизни О.В. Куусинена.

В 1970–90-е годы в поэзии на финском языке появились новые имена — Катри Корвела (Унелма Конкка), Тойво Флинк, Пааво Воутилайнен. Некоторые поэты, писавшие по-русски, стали писать стихи по-фински — Рейё Такала, Армас Мишин.

Из авторов более молодого поколения, владеющих в достаточной мере финским литературным языком для творческих целей, можно назвать немногих. В прозе — Арви Пертту, автор повестей и рассказов. В поэзии — Евгений Богданов, опубликовавший сборник стихов и несколько лирических циклов в журналах. От предшественников их отличает, в частности, урбанизованная среда, в которой живут их герои и они сами. Они знают себя уже всецело городскими жителями и мало чем связаны с традиционной сельской этнокультурной средой — карельской или ингерманландско-финской. Они родились, выросли и продолжают жить в русскоязычной городской среде, а это означает, что и понятие «национальная литература» воспринимается ими иначе, чем их предшественниками, непосредственными выходцами из крестьянской среды, впитавшими с детства и народный язык, и аграрную этнокультуру.

Определенную тревогу за судьбу литературы на финском языке чувствовали еще писатели старшего поколения, которых уже нет с нами. Опасения эти теперь возрастают. Пишущих на финском языке становится все меньше, читательский круг уже давно имеет тенденцию сокращаться. Что же касается всецело урбанизованных авторов, продолжающих писать на финском языке и неплохо владеющих им, то без достаточной национальной почвы они сознают себя скорее писателями-одиночками, решившими вопреки всему писать все-таки по-фински.

Но наряду с этим в литературе Карелии последних двух десятилетий наблюдается нечто весьма примечательное и своеобразное. Ряд авторов, этнических карелов, но родом не из Виэны, а из южной и средней Карелии стали писать на родном ливвиковском диалекте карельского языка. Со стихами выступили Владимир Брендоев (1931–1990), издавший в 80-е годы ряд сборников, и Александр Волков (р. 1929), чьи два сборника стихов и переводов вышли в конце 90-х годов; рассказы на ливвиковском диалекте публиковали Пааво Лукин (1922–1988), Ольга Мишина и некоторые другие авторы.

На ливвиковском диалекте уже несколько лет выходит газета «Ома Муа» («Родина»), а недавно свою газету на родном севернокарельском диалекте

получили и жители Виэны. Предпринимаются усилия, чтобы оба карельских диалекта развивались в современные литературные языки. Их преподают в карельских школах, издаются учебники, готовятся учителя.

Волна этнокультурного возрождения охватила и вепсов. Их насчитывается в настоящее время около двенадцати тысяч человек, и проживают они в основном в Карелии, где создана Вепсская национальная волость с центром в селе Шелтозеро; вепские деревни есть также в Ленинградской и Вологодской областях.

Попытки внедрить вепсский язык в школьное образование предпринимались еще в 1930-е годы, вышли первые вепские учебники — это были вообще первые книги на языке вепсов. Но тогдашний энтузиазм быстро угас. Через полвека те новые энтузиасты, кто теперь решил взяться за пробуждение вепсов, на первых порах писали на русском языке, как, например, Анатолий Петухов. Это относится и к поэту Николаю Абрамову, писавшему сначала на русском, а затем выпустившему в 90-е годы два сборника стихов на вепском языке. Стихи на вепском языке пишет также Алевтина Андреева, вышел коллективный вепсский сборник.

Весьма показательным как для Александра Волкова, пишущего на ливвиковском диалекте, так и для вепского поэта Николая Абрамова является их интерес к поэтическим переводам с русского: Они переводят современную и классическую русскую поэзию, начиная с Г. Р. Державина, причем переводы важны для них не только сами по себе, но еще и потому, что через это совершенствуется их родной язык, обогащаются его выразительные возможности именно как литературного языка. Логику нетрудно понять: если прелесть пушкинской лирики можно передать по-вепски, значит, вепскому под силу стать литературным языком.

Свою роль в этом сложном процессе играют также вепские переводы религиозных текстов. В основном усилиями Нины Зайцевой, лингвистки-вепсолога, переведены из Нового Завета четыре Евангелия — от Иоанна, Луки, Марка и Матфея; опубликованы на вепском языке книги «Житие Иисуса» и детская Библия. Выходит ежемесячная газета параллельно на вепском и русском языках — «Kodima» («Родина»).

В стихах ливвиковских и вепских поэтов, в той пока еще скромной печатной продукции на этих языках, которая имеется на сегодняшний день, обнаруживаются черты, свойственные именно раннему периоду литературного развития и пробуждения этнического самосознания. В послевоенные десятилетия это наблюдалось у севернокарельских писателей, теперь — у ливвиков и вепсов. Главное — это любовь к родной земле, к родному языку и фольклору, к культурному наследию предков. Уже названия ливвиковской и вепской газет — в обоих случаях в переводе «Родина» — указывают на эти главные ценности.

С этих ценностей начинается человек. Тем более без них немислимо существование народа.